

Ц Е Н Т Р П О Л И Г Р А Ф

Джек Козган

оружие великих держав

От коня
до атомной бомбы

Джек Коггинс

**Оружие великих держав.
От копья до атомной бомбы**

«Центрполиграф»

Коггинс Д.

Оружие великих держав. От копья до атомной бомбы /
Д. Коггинс — «Центрполиграф»,

Книга Джека Коггинса посвящена истории становления военного дела великих держав – США, Японии, Китая, – а также Монголии, Индии, африканских народов – эфиопов, зулусов – начиная с древних времен и завершая XX веком. Автор ставит акцент на исторической обусловленности появления оружия: от монгольского лука и самурайского меча до американского карабина Спенсера, гранатомета и межконтинентальной ракеты. Коггинс определяет важнейшие этапы эволюции развития оружия каждой из стран, оказавшие значительное влияние на формирование тактических и стратегических принципов ведения боевых действий, рассказывает о разновидностях оружия и амуниции. Книга представляет интерес как для специалистов, так и для широкого круга читателей и впечатляет широтой обзора.

Содержание

МОНГОЛЫ	5
Чингисхан	7
Субэдей	13
Хубилай	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Джек Коггинс

Оружие великих держав.

От копья до атомной бомбы

МОНГОЛЫ

С незапамятных времен один за другим воинственные кочевые народы селились на высоких нагорьях Центральной Азии, где они множились, обживали эти высоты и враждовали друг с другом, пока их орды вдруг не перехлестывали за высокогорья и не изливались несущим разрушение и смерть неудержимым потоком на более миролюбивые народы долин и более цивилизованные страны. Скифы, парфяне, гунны, сельджуки как смерч проносились над огромными территориями, но самой разрушительной из этих исполинских варварских волн была монгольская. Монголы соединили в себе обычные свойства кочевников – жестокость, способность выживать в самых примитивных условиях, высокую подвижность, великолепное владение конем – с жесткой дисциплиной и блестящей организацией.

Когда Чингисхан повел свои орды из родных им степей, силы, собранные, чтобы дать ему отпор, не блистали ни организованностью, ни дисциплиной, да и командование ими оставляло желать много лучшего, и катастрофа разразилась. Погибли бесчисленные миллионы воинов и мирных жителей (по оценкам, в одном только Китае около 18 000 000 человек), обширные плодородные земли были превращены в пустыни – некоторые так и остались пустынями и по сей день, – их древние оросительные системы были разрушены, а потомки выживших обитателей перебрались на более плодородные зеленые пастбища. Подобно всем кочевникам, монголы ненавидели города, селения и возделанные земельные угодья. Куда больше по душе им были холмистые степи, где ничто не могло помешать свободному бегу неисчислимых табунов лошадей. И поэтому они разрушали все вокруг, превращая презираемую ими цивилизацию в некое рукотворное подобие их родных пустынь.

Обитатели степей и пустынь Северной Гоби подразделялись на множество племен – меркитов, кирaitов, татар, тайгутов и др. Самыми сильными из них, без всякого сомнения, были монголы, племенные пастбища которых располагались примерно в пятистах милях восточнее озера Байкал – в мрачном и негостеприимном мире, где они охотились, пасли свои стада, сражались между собой из-за скудных выпасов и водных источников. Домами им служили полусферические войлочные палатки, называемые юртами, которые, когда хозяевам надо было перебираться в другое место, разбирались и укладывались на большие телеги, запряженные дюжиной быков. Двадцать или тридцать таких телег соединялись вместе и медленно тащились по бескрайней степи, погоняемые девушкой, ведущей головную телегу. Рядом с этими движущимися селениями так же медленно брели по степи табуны коней, быков и громадные стада овец.

Скот был единственным средством существования этих кочевников. Он давал им пищу, питье и одежду, жилы для шитья, рога для усиления луков и кости для изготовления хозяйственных орудий.

Питались они только мясом, едва обжаренным на огне или совсем сырым. При случае им удавалось выменять – или украсть – немного пшеницы или риса у какого-нибудь каравана, идущего из Китая. Во время долгой охоты или набега на другое племя, когда случалось два-три дня провести в седле, останавливаясь только для того, чтобы напоить лошадей и сменить их на свежих, всадники питались сырым мясом, для размягчения или согревания которого

его клали под седло на спину лошади. В самом крайнем случае пищей и питьем им служила конская кровь из вскрытой яремной вены.

Это примитивное существование, под постоянной угрозой смерти от оружия врага, внезапной бури или голода, воспитало расу людей, способных сутками скакать в седле без отдыха, искусных в обращении с оружием, опытных в ночных набегах, в устройстве засад, не чуждающихся вероломства, знающих все уловки и хитрые военные приемы кочевников. Они ничего не знали о жизни вне их собственного сообщества. В их поступках почти не было садизма. Когда они убивали, то делали это из необходимости – спокойно, не испытывая никаких чувств, без жалости или угрызений совести.

Эти люди, способные переносить холод, голод, жажду и повергать в прах своих врагов, словно были созданы для величайших свершений одного человека. И как это часто случается в истории, природа создала такого человека, наделенного способностями, удачей, достоинством, чувством времени, личной притягательностью и всеми другими атрибутами, сделавшими его великим вождем, изменившим лицо мира. Таким человеком стал Темучин, сын предводителя племени монголов, которого миру предстояло узнать под именем Чингисхана.

Чингисхан

К моменту смерти своего отца (возможно, ок. 1175 года) молодой Темучин уже утвердился как племенной вождь, но многие из его соплеменников перешли от него под руку более сильных вождей, которые могли защитить их от непрерывных набегов и нападений соседей. Перипетии межплеменных столкновений вскоре поставили юношу во главе группы беженцев, а в яростных сражениях он выступал уже как вождь немногочисленных преданных воинов, вынужденных скитаться из одной долины в другую. Именно в этих сражениях ковалось и закалялось оружие, которому будет суждено повергнуть половину мира к ногам кочевых скотоводов.

Ничто так не способствует успеху, как воинские удачи, и после нескольких с трудом одержанных побед все увеличивающееся число родов начало мало-помалу возвращаться под знамена Темучина. Когда он чувствовал себя достаточно сильным, он нападал на соседние племена, преследовал их вождей, как когда-то был гоним он сам, а покоренные им кочевники вливались в его рать. Его ближайшие соратники, те, кто следовал за ним и сражался рядом с ним в самые горькие и трудные времена, стали теперь командовать теми или другими отрядами его постоянно растущего войска. По мере того как росла и ширилась его известность, многие из соседей добровольно шли под его руку. Тех, кто сам приходил к нему, он принимал с почетом, те же, кто сопротивлялся, могли потом сколько угодно роптать на свою судьбу. В конце концов на курултае, то есть на большом совете ханов, он получил титул Чингис Хаkana¹ – великого правителя, властителя всех живущих.

В его характере были терпение и решительность охотника. К этим природным качествам кочевника добавились еще и непреклонность намерений и самодисциплина, свойственная вождям его уровня. Но прежде всего он был прирожденным организатором. Рыхлое сборище племен он превратил в армию, отборное сообщество всех мужчин, от юношей до стариков. Племенные банды налетчиков он превратил в полки – *стяги*, – состоящие из отдельных десятков и сотен воинов. Каждый стяг насчитывал тысячу человек, которые делились на десять эскадронов по сто человек. Каждая сотня состояла из десяти десятков воинов. Десять стягов образовывали дивизию, или *тумен*, а несколько туменов, обычно три, – армию. Отборные воины входили в отдельный тумен – гвардию хана.

Все воины были вооружены длинной, слегка искривленной саблей с острым концом – подобной оружию кавалерии более близких к нам времен, – которой можно было наносить как рубящие, так и колющие удары, и мощным луком. Некоторые воины имели по два лука – один более короткий, охотничий, и боевой – более длинное и мощное оружие. Использовались различные виды стрел – более легкие для стрельбы на дальние дистанции, и стрелы с более толстым древком и более мощным железным наконечником, предназначенные для пробивания брони. Лук или луки носились в чехле – *саадаке* – на левом боку, большой колчан со стрелами – на правом. Сабля в кожаных ножнах подвешивалась на спине всадника так, что ее рукоять выступала над левым плечом.

Некоторые кочевники были вооружены также копьем, на котором ниже наконечника был прикреплен пучок конского волоса, или железными крюками для стаскивания противника из седла, но главным оружием оставался все-таки лук.

Для защиты от оружия противника монгольские воины надевали шлемы из железа или кожи, покрытой толстым слоем лака и усиленной нашитыми железными вставками. Кожаный нашейник, тоже усиленный железными полосами, спускался со шлема по спине до лопаток.

¹ Хакан – царский титул, появившийся в Северо-Восточной Азии у народов тюркского племени. Этот титул усвоили и монгольские императоры. По-видимому, слово «хан» – сокращенное от «хакан».

Отдельные копьеносцы имели и небольшой круглый щит из кожи с железными бляшками. Для защиты тела из жесткой кожи делались нагрудники и нараменники, закрывавшие плечи. Иногда всадники надевали и нечто вроде кирас из кожи, на которую нашивались железные пластины.

Порой на лошадей тоже надевались доспехи, защищающие им грудь и бока; для этой цели тоже наверняка использовалась кожа. В степях это был наиболее доступный материал (чего нельзя сказать о железе) и легче всего обрабатываемый.

Кроме оружия и защитного снаряжения каждый воин имел также войлочную шапку и овчинную куртку – без сомнения, подобные тем, которые и ныне носят монгольские скотоводы, – а еще аркан и веревку, мешок с ячменем, котел, топор, соль, иглы и жилы для починки снаряжения и одежды.

У каждого всадника была по крайней мере одна верховая лошадь, а порой их число доходило до полудюжины.

Монгольские степные лошади не отличались особой красотой или статью, но были крепкими и выносливыми – могли добывать зимой еду из-под снега и существовать на самом минимуме съестного. Невозможно заподозрить монголов даже в каком-либо подобии сострадания ни к одному живому существу, но, как широко использовавший коней народ, они, без сомнения, тщательно ухаживали за своими лошадьми, насколько это позволяли обстоятельства. Без подобного ухода никакие переходы конницы на дальние дистанции с той скоростью, которую развивали орды Чингисхана, были бы невозможны.

Перед сражением войско выстраивалось в пять рядов на значительном расстоянии один от другого. Копьеносцы и лучники сочетались таким образом, чтобы достичь максимального эффекта от обстрела и удара конницы. Копьеносцы, занимавшие два первых ряда, были облачены в полный доспех, их кони также несли на себе кожаное защитное облачение. Три последних ряда занимали лучники. В начале боя они выдвигались вперед через промежутки в передовых рядах, чтобы осыпать врага стрелами и снова занять свои места позади копьеносцев до начала атаки.

В войске царила строжайшая дисциплина. Каждый воин должен был помогать своим товарищам, отбивать их, если тех пытались взять в плен, помогать им в случае ранения и никогда не поворачиваться спиной к врагу, если только не давался сигнал к отходу. Каждое самое малое подразделение из десяти человек, таким образом, было тесно сплоченной группой, образованной из людей, годами живших вместе и вместе сражавшихся, могущих всегда надеяться на товарищей. Современники отмечали, что «если один, или два, или три воина из десятка пустятся в бегство в день битвы, все остальные будут казнены... и если двое или трое из группы в десять человек пустятся в притворное бегство, а остальные не последуют за ними, то отставшие также будут казнены».

Мусульманский летописец писал: «Столь велик был страх, который Аллах вселил во все сердца, что случалось так – один-единственный татарин въезжал в селение, в котором жило много людей, и убивал их одного за другим, причем ни один человек не осмеливался оказать сопротивление». Смирение не присуще людям Запада, и европейцу трудно представить себе состояние людей, покорно идущих на бойню.

Пленники, захваченные монголами, либо отправлялись в долгий и тяжелый путь на их родину – причем в пути они умирали тысячами, – либо использовались в качестве живого щита при взятии следующего города. Когда монголы возвращались в свои степи, они обычно убивали всех тех, кого несколько раньше щадили, чтобы те служили им.

Такова была политика монголов – основы которой были заложены самим Чингисханом, – что никаким людям не позволено было выжить, чтобы организовать какое бы то ни было сопротивление. Города и селения, которые могли бы стать объединяющими центрами, разрушались, а их системы орошения, сады и возделанные поля методически уничтожались. Часто трудив-

шиеся на полях жители щадились до того момента, когда созрел урожай, а потом они и их семьи также уничтожались.

Во время своих завоевательных походов монголы настолько тщательно соблюдали этот принцип поголовного истребления жителей, что даже внезапно появлялись в уже обезлюженных районах, проверяя, не остались ли выжившие их обитатели и не вернулись ли они в руины своих жилищ.

Такой же террор применялся ими и в отношении правителей страны или племени – те члены правящего дома, которые пытались сопротивляться волне монгольского нашествия, преследовались и уничтожались. Такая судьба постигла Мохаммеда, шаха великого Хорезмского ханства. Один из столпов ислама, он в конце концов смог найти укрытие на острове Каспийского моря, где вскоре и умер, сломленный и нищий. О его преследовании известно, что погоня за ним была столь яростной, что несколько разгоряченных ею монголов, преследуя верхом его уплывающую лодку, въехали на своих конях в воду и рвались за ней до тех пор, пока не утонули.

Другие правители погибали в бою или во время бегства их приверженцев. Бела, король Венгрии, сумевший спастись во время рокового для него сражения на реке Сайо (так называемая Мохийская битва), когда были уничтожены его армия и его королевство, был вынужден постоянно скрываться, меняя укрытия, а его преследователи гнались за ним вплоть до побережья Далмации. Когда же король попытался скрыться на одном из прибрежных островов, монголы достали лодку и последовали за ним. Король все же смог оторваться от них и вернуться на материк, но погоня продолжилась и там. Загнанный монарх скрывался от своих преследователей, переезжая из города в город, и в конце концов снова попытался скрыться в архипелаге островов. Нет сомнения, что неумолимые преследователи в погоне за ним были готовы обыскать всю Адриатику, но получили приказ вернуться и присоединиться к общему отходу монгольских войск, возвращавшихся на родину.

Ленивые некогда кочевники, ставшие уже испытанными воинами, обрели теперь то, чего им раньше недоставало – дисциплину и организацию. Нелегко было обитателям вольных степей научиться этому, но над ними довлела железная воля их предводителя, и их энергия многократно умножилась. Против их объединенной силы не могло устоять никакое отдельно взятое племя, и по мере того, как возрастала их мощь, соответственно ей росли и самонадеянность и амбиции того неукротимого человека, который предводительствовал ими. Они уже больше не были презренными пастухами, с восхищением взиравшими на китайских императоров, правивших за Великой Китайской стеной, и обреченных быть натравливаемыми друг на друга. Теперь все эти племена – ойроты, тангуты, меркиты, татары – с гордостью называли себя монголами. И по мере того, как объединенная армия уходила все дальше и дальше, в их родных степях воцарялся мир, женщины и дети пасли стада скота и играли среди юрт, твердо зная, что, когда на горизонте появятся верховые воины, это будут друзья, а не враги. Поскольку прежние враждовавшие между собой племена слились в великую монгольскую армию, старые разногласия и кровная вражда теперь были забыты. А чтобы вселить уверенность в то, что они не оживут вновь, их хан провозгласил, что все межплеменные споры должны быть прекращены, а вражда монгола с монголом будет отныне считаться преступлением.

Долгое время существовали враждебные отношения между номадами, жившими вне пределов Великой Китайской стены, и цивилизованными китайцами, укрывавшимися за ней. Теперь силы номадов были объединены. Воля одного человека сковала из них смертельно опасное оружие. Но, как и всяким подобным оружием, им нельзя было бесконечно только размахивать, даже такому человеку, как хахан. Будучи обнажено, оно должно было быть пущено в ход – и вождь кочевников без колебания нанес им удар по могучей империи Сун.

Поэтому тумены развернулись на север, и вскоре флаги с девятью хвостами белых яков уже развевались в пределах Великой Китайской стены. Задачей этой стены было не пропускать

небольшие банды мародеров, но ей не дано было остановить армию вторжения под предводительством такого военачальника, как Чингисхан. Начальные нашествия были всего лишь крупного масштаба набегами – наносящими поражения высланным против них армиям и сеющими широкомасштабные разрушения, – но не трогающими крупных, обнесённых высокими стенами городов. Так, однако, не могло долго продолжаться. По мере того как монголы приобретали опыт (они также нашли разумное применение захваченным в плен или перешедшим на их сторону китайским солдатам и инженерам), они начали успешно осуществлять осаду многих городов. Такие осады стали все более частыми, и слабый правитель, занимавший трон китайского императора, пришел от них в ужас и пустился в бегство (1214). В последовавшем за этим смятии монголы снова вторглись в Китай, и великая империя Сун утонула в крови и огне. К счастью для обитателей страны, отважный и мудрый Елюй Чуцай, плененный Чингисханом, произвел на хакана глубокое впечатление своей смелостью и верностью своему бежавшему владыке. Этот человек приобрел вскоре большое влияние на монгольского правителя (вернее, правителей, поскольку он служил также и Огудаю). Его сдерживающее влияние на диких и жадных варваров смогло спасти миллионы жизней. Как советник и, впоследствии, ведущий министр новой Монгольской империи, он в течение тридцати лет многое делал для смягчения разрушительной политики ханов по отношению к народам завоеванных стран. Именно благодаря ему сохранены остатки империи Чин и создана система управления на вновь завоеванных территориях. «Вы можете завоевать империю, сидя в седле, – сказал он, согласно легенде, хакану, – но вы не можете таким образом управлять ею». И именно в традициях его учения Кубла-хан, внук Чингисхана, правил своей громадной империей, включавшей в себя весь Китай, Корею, Монголию, Тибет и значительную часть Сибири.

Следующим предприятием хаканов (1219) был поход против Хорезмского ханства. Его территория включала в себя современный Иран, Афганистан, Туркестан и часть Северной Индии. Армия вторжения, численность которой доходила, по оценкам, до 150 000 воинов, наступала четырьмя колоннами. Шах Мохаммед, не воспользовавшись своим численным превосходством, решил занять оборону вдоль границы по реке Сыр-Дарье.

Прославленный монгольский военачальник Джебе-нойон повел два тумена по холмистой равнине, угрожая правому флангу шаха, тогда как другие три колонны двинулись северным маршрутом. Две из них, под командованием сыновей хана Джучи и Чагатая, дойдя до Сыр-Дарьи, повернули к югу и, взяв по дороге несколько приграничных крепостей, соединились с Джебе-нойоном неподалеку от Самарканда. Шах едва успел собрать свои силы, когда в его тылу, словно материализовавшийся мираж, появился Чингисхан с четырьмя туменами. Он пересек Сыр-Дарью и исчез в песках громадной пустыни Кара-Кум, через короткое время появившись у самых ворот Бухары. Столь мастерски выполненный маневр разрушил все оборонительные планы хорезмцев до самого основания. Шах пустился в бегство, а Бухара, одна из твердынь ислама и центр мусульманской культуры, была предана огню и разграблению. Такая же участь постигла и Самарканд, а за ним и еще ряд городов. В течение пяти месяцев главные силы ханства были разгромлены, а города, насчитывавшие сотни тысяч жителей, превращены в груды безжизненных руин. Вероятно, никогда еще ни до, ни после этого многолюдная страна не превращалась в безжизненную пустыню за столь краткое время.

Затем началась самая грандиозная конная погоня в истории, поскольку хакан повелел Джебе-нойону и полководцу-ветерану Субэдею с двумя туменами следовать за шахом и захватить его живым или мертвым. От Самарканда до Балха, до подножия горных цепей Афганистана продолжалась погоня за шахом, а оттуда – еще пятьсот миль до Нишапура. Весенняя трава была прекрасным кормом для лошадей, и каждый воин вел с собой еще по несколько лошадей. Это было необходимо, поскольку в иные дни они проходили от семидесяти до восьмидесяти миль. Тумены приступом взяли Нишапур, но шах ускользнул от них, и не знающие усталости монголы продолжили погоню. Теперь они двигались на север, беря город за городом

и нанеся поражение персидской армии неподалеку от нынешнего Тегерана. Шах рванулся в Багдад, но монголы следовали по пятам, в одном месте приблизившись к нему на расстояние выстрела из лука. Затем он сменил направление и двинулся на север, к Каспию. Здесь, еще раз увернувшись почти от верного плена, он нашел убежище на одном из островов, где вскоре после этого и умер.

Прибывший к остановившимся после погони туменам гонец принес их командующим разрешение хакана двинуться в Западную Европу, и два военачальника повернули своих воинов к северу, к горным высям Кавказа. Пройдя перевалами через горы Грузии, они разгромили Грузинское царство. Перевалив через Главный Кавказский хребет, нанесли сокрушительное поражение армии аланов, гирканцев и кипчаков. Их движению к северу путь преградила русская армия под командованием князей Мстислава Киевского и Даниила Галицкого, которая перешла Днепр. На берегах реки Калки эта армия потерпела поражение – так закончилось первое столкновение монголов и Запада. Однако сопротивление русских было, по всей видимости, столь упорным, что монгольские военачальники повернули своих воинов на юг, в Крым, где заполучили дружбу венецианцев, взяв и разорив торговые поселения их соперников-генуэзцев. И наконец, получив приказ хакана, направились домой. В пути умер Джебе-нойон, но Субэдей привел в родные степи своих воинов, нагруженных добычей. Погоня и поход продолжались более двух лет, войска прошли невероятно длинный путь. В соответствии с монгольскими обычаями они, без сомнения, пополняли свои ряды за счет кочевых народов, встречавшихся им по пути, а также получали у них припасы и новых лошадей. Вероятнее всего, домой они вернулись еще более сильными, чем перед началом похода. Для европейцев это было зловещее предзнаменование грозящей им судьбы, поскольку коварный Субэдей был одержим идеей возглавить завоевание монголами Запада.

Тем временем хакан продолжал завершать свое безжалостное покорение Хорезма. Отважный Джелал-ад-дин, сын шаха и его преемник, потерпел окончательное поражение в последней битве на берегах Инда, сумев спастись только благодаря тому, что вместе с конем прыгнул с десятиметрового обрыва в реку и переплыл на южный берег. Погоня за ним продолжалась до стен Дели, но жара и болезни ослабили войско монголов, и, разграбив Лахор и Мултан, они вернулись на север. Великая империя Хорезма лежала теперь в совершенном опустошении. Все центры сопротивления город за городом методично были уничтожены – современники событий называли численность жертв только при взятии Герата в 1 500 000 человек.

Если не принимать во внимание избиение миллионов человек мирного населения, завоевание Хорезма было выдающимся военным достижением. Монголы, приняв смелое решение использовать широко разбросанные силы, осуществили стратегию охвата гигантских масштабов, причем на самой неблагоприятной для их действий территории, и продемонстрировали как искусное планирование, так и дерзкое осуществление военных операций, к тому же проявив способность трезвой оценки возможности противника. Представляется, что монгольская военная машина должна была функционировать идеально. Не только собственно военные проблемы, но и вопросы организации и снабжения были безмерно трудными. Расстояние от родины монголов до Бухары составляло более 4 630 000 километров по прямой, и все же перспектива столь протяженного марша громадной армии не устрасила монгольских военачальников. Для них, живших на широком степном просторе, расстояния не были преградой; не были они смущены и необходимостью послать свои тумены за 90 градусов географической долготы. Именно такое пренебрежение к расстояниям, эта полная независимость от протяженности коммуникаций и позволили монголам приводить в замешательство своих противников фантастической способностью их армий появляться там, где их меньше всего ожидали. Это обстоятельство да еще невероятная скорость, с которой они передвигались, и послужили появлению мифа – некогда широко распространенного, – что монгольские армии достигают невероятной численности. Никаким другим образом историки тех времен не могли объяснить их

ошеломляющие победы и быстроту их ударов. В эпоху громяющих феодальных армий, медленных в мобилизации, медленных на марше и, из-за неупорядоченности командования, еще более медлительных в сосредоточении, хорошо смазанная монгольская военная машина и в самом деле должна была представляться чем-то сродни черной магии. И если иногда обитатели степей сходились на поле брани с равным им по численности войском, это происходило потому, что скорость их передвижения и маневренность позволяли их военачальникам осуществлять маневры, совершенно непредставимые для их противников.

Субэдей

Европейская кампания Субэдея – одного из самых выдающихся военачальников в истории войн – прекрасный пример того, что может достичь армия с отличным командованием.

Войско, с которым он начал свою кампанию (1236), насчитывало, по оценкам, около 150 000 человек. Потери в первых сражениях, смертность от болезней и уменьшение количества воинов за счет оставленных для охраны коммуникаций, весьма возможно, сократили численность того войска, которое вторглось в Центральную Европу, приблизительно до 100 000 человек. Этнически это были люди разных народностей – ряды чистокровных монголов значительно поредели за годы почти непрерывных сражений, так что теперь среди них было много турок, киргизов, башкир и других обитателей степей. Имелось в составе войска и довольно значительное число китайцев. Но все эти люди, однако, были закаленными воинами, находились под командованием монгольских командиров, были спаяны монгольской дисциплиной – а их костяк, вероятно, составляли ветераны предшествующих кампаний.

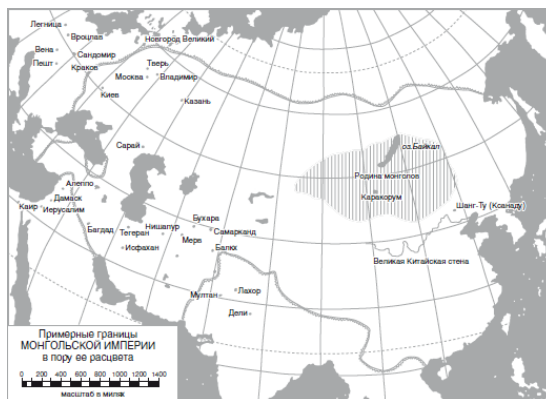
Чингисхан к тому времени уже умер (1227), вместо него правил его сын Угедей, но завоевательные походы продолжались. Батый, внук Чингисхана, стал формальным предводителем этой новой волны вторжения. Оно должно было начаться из приволжских степей, региона, в котором он был владыкой и где племена, группировавшиеся вокруг него, были уже известны под именем Золотой Орды. Однако подлинным лидером и военным руководителем похода был все тот же старый ветеран Субэдей.

Примечательно, что хитрый старый военачальник начал свой поход в разгар зимы, когда замерзшие реки не были препятствием для его воинов и когда русские, как и все благоразумные люди, пребывали в своих городах и селениях, даже не подозревая о нависшей над ними опасности. Отважные правители и знать независимых русских княжеств ни материально, ни духовно не были готовы к противостоянию монгольскому войску и Субэдею, командовавшему им. Один за другим русские города погибали в дыму и пламени, а при свете горящих изб пришельцы настигали и убивали их обитателей. Лишь болота, непроходимые леса и распутица спасли от разграбления большой город Великий Новгород (Москва была сожжена за несколько недель до этого). Тогда монголы повернули на юг и, выйдя из лесов Руси, углубились в причерноморские степи. Пока несколько отрядов проводили разведку Крыма, другие двинулись на Кавказ, где сомкнулись с монгольской армией, находившейся в Северной Персии. Тем временем Русь была «обработана» обычным для монголов образом. Меха, шкуры, зерно, рабы – все было взято на учет уйгурскими и китайскими писцами и сведено в таблицы, которые с гонцами направили в далекое главное стойбище в Гоби. Теперь вместо банального грабежа монгольские завоевания обратились к систематическому взиманию дани с покоренных народов. Очевидно, приобретенный опыт подсказал им, что нет смысла резать курицу, несущую золотые яйца, и после первичной бойни запуганному и подавленному населению было позволено жить – для того чтобы работать на своих завоевателей. Фактически на всем пространстве степной империи царил совершенный мир – нечто вроде Pax Mongolica. Вдоль старых караванных путей и на важнейших направлениях в степях была организована самая эффективная система почтовых станций, вплоть до западных границ империи. Вдоль этих путей двигались все увеличивающиеся потоки людей и грузов – государственные чиновники, торговцы, послы, сборщики дани, пленники, солдаты и, самые важные персоны, гонцы. Гонцами становились люди, которые могли мчаться с большой скоростью долгое время, останавливаясь только затем, чтобы сменить лошадь. Несколькими годами позднее Марко Поло так описывал почтовые станции, оборудованные всем необходимым и имеющие всегда потребное количество лошадей: «При каждой такой станции живут люди, которые посланы сюда, чтобы возделывать почву и нести почтовую службу; почему здесь и возникают большие поселения. Вследствие такого учрежде-

ния почтовой службы послы ко двору и царские гонцы едут в столицу и возвращаются обратно в каждую провинцию и царство империи со всеми возможными удобствами и быстротой; и в такой системе великий хакан демонстрирует свое превосходство над любым другим императором, царем или человеческим существом. В его владениях на почтовых станциях задействовано не менее двухсот тысяч лошадей и построено десять тысяч зданий, со всей необходимой мебелью. Это воистину превосходная система, которая работает с такой эффективностью, которую едва возможно описать...»

Если Марко Поло и преувеличил количество почтовых станций и лошадей (а возможно, и нет), то все же путешественнику, прибывшему сюда из не избалованной связью Европы, такая система должна была представляться совершенно фантастической.

Зимой 1240 года монголы снова предприняли набег на Русь. Первой их жертвой пал Киев, и, когда этот громадный город превратился в груды руин, заваленных трупами его обитателей, монголы направили своих лошадей к подножию Карпат, гоня перед собой несчастных славян. Слухи о многочисленных беженцах насторожили правителей стран Запада, а в еще большее смятение привели их известия о том, что монголы уже добрались до Сандомира в Польше. По всей Европе войны начали чистить оружие, собираться в феодальные армии и двигаться на восток. Но беда была в том, что, пока войны Польши и Богемии, Венгрии и Германии двигались маршем, монголы двигались верхом. И скакали они быстро – потому что Субэдей запланировал смелое по замыслу охватное вторжение четырьмя колоннами, которое должно было обеспечить безопасность его флангов, остановить и рассеять посланные ему навстречу войска и в то же время дать возможность его основным силам ударить по венгерским войскам, сосредоточенным неподалеку от Пешта. Действительно ли монголы замыслили завоевание всей Европы – это вопрос, на который мы теперь уже никогда не получим ответа. По всей вероятности, они этого не планировали, а своими действиями в Польше и Богемии хотели только сокрушить все силы, способные оказать им отпор, и создать безлюдную пустыню между Центральной Европой и завоеванной ими Русью и степями юга. Равнины Венгрии, должно быть, привлекали их в качестве первого ценного плацдарма, а поэтому они сделали это королевство своей начальной целью.

Какова бы ни была их долгосрочная цель, сама же кампания была проведена мастерски. Армия правого фланга под командованием Кайду (одного из сыновей Угедея, вторглась в Польшу, переправившись через Вислу, и нанесла поражение славянам под командованием принца Мечислава и полякам Болеслава. Был захвачен и сожжен Краков, а монголы переправились через Одер и взяли Вроцлав. Решающее сражение этого этапа кампании состоялось при Легнице. Здесь герцог Генрих Силезский сосредоточил своих германцев и моравцев вкупе с местными воинскими контингентами, а также тевтонских рыцарей. С юга на соединение с ним спешил Венцеслав Богемский – «Добрый Король» рождественского гимна. Но соединиться этим силам не было суждено. Когда богемцы находились на расстоянии одного дневного пере-

хода, монголы наголову разгромили войско Генриха, в бою погибли и он, и все его воины, за исключением небольшой горстки рыцарей. Венцеслав благоразумно повернул обратно и занял оборонительную позицию. Кайду повернул на юг, в Венгрию, разграбив по дороге Моравию. Его монголы преодолели более 640 километров, разграбили и разрушили четыре больших города, выиграли два крупных сражения и захватили большую часть Польши и Силезии – и все это меньше чем за месяц.

Движение остальных трех колонн было организовано таким образом, чтобы все они соединились неподалеку от Пешта. Одна из трех других колонн перевалила через Карпаты, другая обошла их с юга, тогда как сам Субэдей, пустившись в путь последним, так как его маршрут был более прямым, повел свои основные силы прямо на Пешт. Через день после соединения всех трех колонн монголов венгры под командованием своего короля Белы и вместе со своими союзниками выступили наконец из Пешта. Коварный Субэдей медленно отступил, заставив тем самым чересчур самонадеянных венгров пойти за собой. Христиане, чья численность достигала, по оценкам, 100 000 человек, встали лагерем у реки Шайо. Монгольская армия находилась в это время где-то на другом берегу реки, но ночью Субэдей форсировал реку и окружил лагерь Белы. Яростная атака христианских рыцарей и пехоты была встречена обычным рассыпанным строем кочевников, которые сомкнули ряды только тогда, когда смертоносные стрелы сделали свое дело. Европейцам, как представляется, было просто нечего противопоставить монгольским лучникам. Ряды рыцарей постепенно таяли, а сосредоточенные в лагере значительные силы лучников и пеших воинов стали терять силу духа под градом стрел, на которые им нечем было ответить. В конце концов атака громадной армии христиан захлебнулась, и они начали отступление, которое неизбежно перешло в бегство. По словам летописцев, 70 000 человек погибло в сражении и во время погони, а Венгерское королевство было завоевано одним ударом.

Могли ли раздробленные силы Запада соединиться для того, чтобы дать отпор дальнейшим набегам? Вопрос остается открытым. По счастью, кроме нескольких набегов на Австрию, один из которых закончился окружением Вены и падением Нойштадта, да рейда до побережья Адриатики, монголы, по-видимому, не предпринимали никаких попыток развить свой успех. В феврале 1242 года в лагерь Субэдея на Данаубе (Дунае) прибыл гонец, который принес известие о смерти Удегея и требование к нему и монгольским принцам прибыть на *курултай* в Карако-рум. За два с половиной месяца гонец пронес эту новость почти через пять тысяч миль. Получив ее, старый монгол снова повернул своего коня в сторону восходящего солнца. Оставляя за собой опустошенные страны, армия начала долгий путь на родину. Когда ее знамена скрылись на востоке, чтобы никогда больше не возвратиться, владыки и народы Европы с облегчением вздохнули. Нашествие орды раскосых всадников было подобно ночному кошмару, и вот теперь они скрылись, столь же загадочно, сколь и появились. Но их вторжение радикально изменило расовую и политическую карту Центральной Европы.

Хубилай

Монгольские завоевания не закончились походом на запад – при Хубилае, сыне Чингис-хана, ставшем хаканом в 1260 году, было завершено завоевание Китая. Однако централизованное семейное правление, как оно виделось Чингисхану, не было работоспособным. Громадные расстояния страшно затрудняли управление отдаленными районами, еще больше вредили делу семейные склоки и противоречия. Поэтому наследники хаканов правили в своих собственных землях и не спешили появляться на семейном совете в Гоби. Сам же Хубилай был в равной степени как монголом, так и китайцем. Он давно уже расстался с кочевой жизнью и променял неудобства войлочной юрты на роскошь летней резиденции Ксанаду. Хулагу, его брат, сверг халифа в Багдаде, занял Дамаск и был готов погрузиться с войском на корабли, чтобы отправиться на завоевание Египта. Что за странная компания собралась здесь! Хулагу и его монгольская орда, христианские рыцари-крестоносцы, армяне и грузины в «трогательном согласии» двигались на завоевание Иерусалима и Каира. Но вторжение так и не свершилось. Умер Мангу-хан, брат Хулагу, и семейный совет призвал завоевателя вернуться в Гоби. Вторгнуться в Египет тот поручил своему заместителю Китбуги, но, к удивлению всего Востока, этот неудачливый военачальник потерпел поражение и был убит мамлюками Бейбарса (который одно время служил в монгольской армии), а его войско изгнано из Каира. Это было первое крупное поражение монгольских армий за сорок лет, и известие о нем побудило Хулагу вернуться и начать собирать силы для полного разгрома Египта. Но во время переговоров с владыками Запада об объединенном натиске на ислам он неожиданно умер – по слухам, от яда, поднесенного ему мусульманами. Какова бы ни была причина его смерти, монгольское вторжение завершилось, и история отрицает факт того, что язычники-монголы помогали христианам Запада освобождать Гроб Господень. Но о мощи и громадном распространении кочевников говорит тот факт, что пока одна их армия действовала в Палестине, другие сражались в Южном Китае и Корее.

О монгольских воинах Марко Поло писал следующее: «Они могут совершать переходы длительностью в десять суток, во время которых питаются только кровью своих лошадей, каждый человек отворяет вену лошади и пьет кровь своего собственного скакуна... Во время переходов они питаются также молоком, заквашенным и затем высушенным до состояния твердого теста... Когда они пускаются в поход, то каждый человек несет с собой около десяти фунтов такой провизии. Каждое утро он кладет около полуфунта этого вещества в кожаный бурдюк и наливает в него воды, сколько необходимо. От скачки содержимое бурдюка постоянно взбалтывается и становится похожим на жидкую кашу, из которой они делают себе обед».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.